нефть и газ тенденции

Разведка бездны

стратегия

За последние годы в России не было открыто ни одного нового крупного месторождения. Это означает, что отечественная геологоразведка не справляется с обеспечением энергетической базы будущего отечественной экономики. О новой модели развития отрасли рассказывает исполняющий обязанности генерального директора ОАО «Росгеология» **Андрей Третьяков**.

— Как вы можете объяснить плачевное состояние нынешней отечественной геологоразведки?

— Действующая система не подразумевает заинтересованности геологоразведочных предприятиях в конечном открытии месторождений. Предприятия выполняют свои исследовательские работы, отчитываются тысячами погонных метров пробуренных геологоразведочных скважин, а приводит это к открытиям или нет, из-за отсутствия конечной материальной заинтересованности никого не волнует. За последние годы, к примеру, не открыто ни одного крупного месторождения. Перед Роснедрами стоит задача — геологическое изучение территории России. Вот они и изучают: ежегодно размещают госзаказ на определенные виды геологоразведочных работ государственной территории. Получается все равно что намазывать на хлеб очень тонкий слой масла — настолько тонкий, что заметить его почти невозможно. То есть вложения при таких масштабах для качественной разведки по всей России должны быть намного больше.

— Получается, отрасль нуждается в частных деньгах?

— Инициатива должна исходить от государства, первые вложения в разведку территории должны поступать от него. Скажем, на начальном этапе некую существенную часть составляет доля государства. По ходу развития проекта частные инвесторы эту долю по кусочкам выкупают. Вот на таких условиях мы сможем привлекать средства для дальнейших открытий. Но для этого надо вносить изменения в текущее законодательство.

— Существуют ли механизмы принуждения частных компаний к геологоразведке?

— Через налоговую систему. То есть зачастую компания берет лицензию на перспективный участок, который будет разрабатывать по ее плану лет через 5–10, а то и все 20, и не разведывает. Или разведывает, но в недостаточной степени. Да, компания постоянно оправдывается, обещает вот-вот уже разведку начать, но всем понятно, что она не введет участок в эксплуатацию в установленный срок. Или введет недоразведанным. Чтобы такого не происходило, было бы правильно ввести прогрессивный налог, который предполагает, что компания должна проводить определенные работы в определенные сроки, и за каждое промедление или нарушение выставлять финансовые санкции: хочешь на месте стоять — стой, но штрафы и другие установленные сборы плати. Год простоя — миллион рублей штрафа, два года — сто миллионов, три — уже миллиард. Я условные, конечно, привожу цифры, но понятно, что они должны реально пугать.

— Какая самая действенная модель геологоразведки в мире — государственная, смешанная или частная?

— Мы изучили опыт самых разнообразных компаний во многих странах, а также мнения ряда аналитиков, однако однозначно ответить на этот вопрос достаточно трудно. Какие-то конкретные примеры привести сложно: всюду своя специфика. На мой взгляд, конкретно в нашем государстве перспективнее было бы перейти к смешанной модели. Мы должны двигаться именно к такому распределению: 1–25% государственного участия и 75–90% — частного, потому что, с одной стороны, необходимо минимизировать нагрузку на госбюджет, а с другой — оставить государственную долю в проекте.

— Существуют ли в мировой практике примеры успешного применения описанной вами модели и могут ли они служить эталоном для развития геологоразведки в России?

— Во многих государствах геологоразведка практически полностью частная. Но все эти государства не очень большие по сравнению с нашим. Преимущественно то, что частные компании находят на территории небольших стран, выглядит не особо серьезным по сравнению с тем, что можно найти у нас. У нас и по территориям, и по перспективности достаточно большие открытия еще предстоят, если не говорить об объемах уже разрабатываемых месторождений.

Андрей Третьяков полагает, что в геологоразведке не только инициатива, но и первые вложения в разведку территории должны исходить от государства

Государство будет контролировать сроки и качество работ по геологическому изучению территорий и впоследствии — промышленное освоение открытых на этих территориях месторождений. На начальном этапе, когда территория еще совсем чистая и неразведанная, государство вкладывает большие суммы, практически полностью обеспечивая и контролируя ход работ. Затем по мере уточнения информации, совершения открытия государство постепенно сокращает собственную долю до минимума, сводя свою роль к контролю над ходом работ и получению дивидендов. В итоге государство получает двойную выгоду — дополнительную прибыль от новых открытых и разрабатываемых месторождений, то есть увеличение отчислений в бюджет, дополнительные рабочие места плюс гарантия того, что все этапы проекта будут реализованы в должной мере и установленный срок. Ну, во всяком случае, при данной схеме существует возможность оперативного урегулирования каких-то нарушений обязательств, которые могут возникнуть, и, как следствие, увеличивается вероятность конечной реализации проекта.

— Почему в России нет рынка геологоразведочных активов?

— Слишком часто нарушаются лицензионные соглашения на разведку месторождений, и, как следствие, теряется инвестиционная привлекательность. Помимо этого участки выставляются на рынке после сбора первичных данных, то есть после проведения лишь малой части всех необходимых геологоразведочных работ. Нередко бывает так, что заявляемой разведки на участке и вовсе не проводилось. То есть системного рынка, когда, собираясь вложиться в горнорудное производство или добычу углеводородов, ты можешь прикинуть, что освоение предлагаемого месторождения будет стоить столько-то, возвратность вложенных средств — в течение конкретного срока и затем принесет такую-то прибыль, у нас нет.

Задействовав и активно наращивая все свои мощности, мы будем разведывать перспективные территории, доводить проекты до стадии открытия месторождений и расчета по последующим вложениям. Мы собираемся продавать окончательные проекты. Фактически это приведет к появлению так называемой биржи инвестиционных проектов по освоению месторождений. То есть при приобретении такого проекта сразу видны конкретные требования по инфраструктуре, по технологии освоения, а также понятны извлекаемые запасы. Станет возможно планирование поселений — из готового проекта понятно, количественные и качественные характеристики месторождения и сроки его эксплуатации. Также имеется понимание, сколько на освоении и последующей разработке месторождения будет задействовано людей. То есть развитие рынка и формирование такой биржи существенно поспособствует системному развитию российской территории.

— И как же к этому прийти? Может быть, уже понятны какие-то механизмы формирования такого рынка?

— С одной стороны, необходима поддержка серьезных финансовых институтов. Но привлечь средства — не самое сложное, как оказалось. Куда сложнее сформировать полноценную законодательную базу. Крупнейшие зарубежные фонды уже готовы вкладывать в нас сотни миллионов и даже миллиарды долларов, но система по взаимодействию государства и частного капитала пока не разработана. Чтобы ее выработать, мы запустим пилотный проект, то есть определим перспективную территорию, получим лицензионное соглашение на ведение комплексного геологического изучения и уже на конкретном существующем проекте все аспекты этого механизма будем развивать. Это крайне серьезная задача. На подготовку реализации такого пилотного проекта уйдет не менее полугода, зато он даст конкретный результат, который в дальнейшем выльется в ощутимую прибыль государству.

— Вы упомянули, что уже заинтересованы крупные фонды. Назвать можете?

— Это Merrill Lynch, GP Morgan. Они готовы к реализации проектов в области геологоразведки, идет живое общение. Как я уже говорил, большая проблема в отсутствии достаточной законодательной базы и отсутствии постановки конкретной задачи от государства по первоочередным видам сырьевых ресурсов, в которых будет наблюдаться дефицит у нашей промышленности. И если нам не формулируют данную задачу, мы попытаемся разработать рыночную систему, как она должна выглядеть, с нашей точки зрения, какие проценты, какие процессы перехода капитала должны быть, необходимо регламентировать виды работ и т. д. И представить данную работу на утверждение в правительство.

— И что же должно стать таким толчком?

— Мы рассчитываем, что пилотный проект, о котором я говорил, как раз станет таким примером, на основании которого можно будет построить общую систему. Мы уже выбрали конкретный участок и готовы на нем все обкатать. Это очень крупное комплексное месторождение, там может и химический кластер быть, и металлургический, и угольный. То есть на одной территории несколько потенциальных месторождений.

(Окончание на стр. 24)

Конфискационное инвестирование

инвестиции

Как геологоразведка влияет на инвестиционный климат и что нужно сделать, чтобы международные нефтегазовые компании вкладывались в геологоразведку, объясняет АЛЕКСЕЙ БАРДИН, руководитель группы юридического сопровождения новых проектов концерна Shell в России, председатель комитета по правовым вопросам и законодательству нефтяного совещательного форума.

— Что мешает реализации геологоразведочных проектов в России?

— Прежде всего нужно изменить конфискационную, по сути дела, норму: если зарубежная компания обнаружит месторождение, обладающее запасами больше 70 млн тонн нефти или 50 млрд куб. м газа, то такое месторождение, согласно законодательству, будет обладать стратегической ценностью и правительство может его конфисковать с компенсацией открывшей его компании понесенных затрат. То есть если в процессе геологического изучения недр, в том числе осуществляемого по совмещенной лицензии, компания с иностранным капиталом открыла месторождение федерального значения, правительство РФ может принять решение об отказе в предоставлении права пользования участком недр для разведки и добычи полезных ископаемых. Само собой, такое положение не стимулирует заинтересованность инвесторов в геологоразведочных проектах.

Конечно, закон предусматривает возмещение расходов на поиск и оценку открытого месторождения и суммы сделанного в соответствии с условиями совмещенной лицензии разового платежа за пользование участком недр. Однако нефтегазовые компании всегда инвестируют в геологоразведку на нескольких блоках, которые могут располагаться в различных регионах и даже странах, и далеко не везде находят промышленные запасы полезных ископаемых. Эти инвестиции — рискованные с чисто геологической точки зрения, наличие же дополнительных рисков, связанных с возможностью прекращения права пользования участком недр, делает риски таких инвестиций просто запредельными. Более того, вложения в геологоразведку международных нефтегазовых компаний, как правило, мотивированы исключительно перспективой участия в разработке открытых ими месторождений. Норма вхождения в лицензию есть почти во всех странах с развитой нефтегазовой промышленностью.

Впрочем, иностранные юниорные компании, бизнес которых может быть охарактеризован фразой «найти и продать», а также специализированные геологические предприятия, ориентированные на мультиклиентский сервис, тоже не смогут выступить в качестве инвесторов шельфовых проектов в России. Ведь отдельные геологические лицензии не предусмотрены, да и пятилетнего опыта освоения российского шельфа у них не может быть по определению.

По мнению Алексея Бардина, вложения в геологоразведку международных нефтегазовых компаний мотивированы перспективой участия в разработке открытых ими месторождений ФОТО ШЕЛЛ

Что касается суши, то здесь ситуация несколько проще, поскольку в таких проектах не требуется пятилетнего опыта, не обязателен государственный контроль над проектом, возможна выдача геологических лицензий. Однако риск принятия правительством РФ решения об отказе в предоставлении права пользования участком в случае открытия месторождения федерального значения сохраняется. Два месяца назад Министерство природных ресурсов и экологии выдвинуло предложение о предоставлении частным инвесторам в случае открытия месторождения, имеющего стратегическое значение, возможности остаться в проекте по его разработке в качестве миноритария.

Кроме того, очень сложно оценивать проекты, потому что в России нет цивилизованного рынка геологической информации. У нас существует требование лицензирования экспорта любой геологической информации, за исключением общедоступной. Плохо определен порядок выдачи подобных лицензий — сегодня ее практически невозможно получить. Как правило, в других странах, приобретя геологическую информацию, иностранная компания может ее экспортировать, чтобы обработать данные и понять, идти ли в тот или иной проект. Причем мы говорим об открытой информации.

Существующий порядок серьезно мешает реализации нефтегазовых проектов. Не каждая компания может себе позволить создать специальный исследовательский центр в России, для того чтобы обрабатывать геологическую информацию на месте. Принять инвестиционное решение по нефтегазовым проектам, когда речь идет о капиталовложениях в миллиарды долларов, не имея возможности тщательно проанализировать информацию о месторождении, нельзя. Не так давно Министерство природных ресурсов и экологии выдвинуло предложение о либерализации рынка геологической информации. В целом те меры, которые сегодня предлагает Минприроды, являются пусть и небольшими шагами, но в правильном направлении.

— В чем основной драматизм российского инвестиционного климата?

— В целом можно сказать, что он стабильный. Доказательством тому служат проекты, в которых концерн Shell принимает участие: «Сахалин-2», Salym Petroleum Development. Мы выиграли лицензии на геологическое изучение участков в Калмыкии, а также Тимано-Печоре, где сейчас проводим геологоразведочные работы.

Но существуют целые области в российском законодательстве, которые требуют улучшения, для того чтобы инвесторы могли выгодно и стабильно работать в стране.

Представляется очевидным, что существующие в законодательстве нормы не создают благоприятного климата для иностранных инвестиций, а скорее наоборот. Даже если вы преодолеете все препоны и решитесь на капиталовложения, даже если вы создадите совместное предприятие с российской государственной компанией, это вовсе не гарантирует успешности ваших инвестиций.

Федеральный закон от 29 апреля 2008 года №57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» отнес к ним компании, которые осуществляют геологическое изучение недр, разведку и добычу полезных ископаемых на участках недр федерального значения. Другими словами, любые иностранные инвестиции в такие компании, превышающие порог в 25%, осуществляются только в разрешительном порядке. Более того, в соответствии с законом РФ о недрах обладать лицензиями на месторождения континентального шельфа могут только юридические лица, которые отвечают следующим требованиям: созданы в соответствии с законодательством нашей страны, имеют опыт освоения участков недр российского континентального шельфа не менее пяти лет, и Российская Федерация имеет право прямо или косвенно распоряжаться более чем 50% общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции.

Другой особенностью работы на континентальном шельфе страны является отсутствие геологического изучения в качестве самостоятельного вида деятельности, поскольку «чисто геологические» лицензии на участки недр федерального значения не выдаются.

Не секрет, что законодательные решения, принятые в 2008 году касательно стратегических участков недр и компаний, которые могут их разрабатывать, по сути, монополизировали недропользование в стране. Особенно ярко это проявилось в отношении континентального шельфа. Упомянутое законодательство, по сути, позволило работать на шельфовых месторождениях двум государственным компаниям — «Газпрому» и «Роснефти». Теперь даже такие госкомпании, как «Зарубежнефть» и «Газпром нефть» (головная организация), не могут в силу этих положений разрабатывать месторождения на шельфе, не говоря уже о частных компаниях, таких, как, например, ЛУКОЙЛ, обладающий опытом освоения морских месторождений. Очевидным решением, которое могло бы позволить ускорить процесс выхода Российской Федерации на шельф, повысить инвестиционную привлекательность морских проектов, привлечь в них средства и технологии, является расширение состава участников, допущенных к их реализации. У нас не выдаются лицензии на геологическое изучение, что тоже необходимо делать. Это позволит значительно повысить уровень геологической изученности российского континентального шельфа.

Кроме того, российское законодательство ограничивает возможность создания специальных дочерних предприятий, на которые могли бы оформляться лицензии, которые могли бы заниматься реализацией шельфового проекта и в которые могли бы на правах миноритария войти частные и зарубежные компании, обладающие необходимым опытом. Выход из ситуации состоит в том, чтобы расширить состав участников, позволив им создавать дочерние компании с участием частных инвесторов, как российских, так и зарубежных. Для того чтобы привлечь иностранных инвесторов, нужно разрешить им входить в лицензию в качестве миноритарного акционера.

— Что вы думаете о распространенной в России практике предоставления государством льгот для конкретных нефтегазовых проектов или регионов?

— Налоговые льготы необходимы целому ряду российских проектов. Если говорить об Арктике, здесь потребуются огромные капиталовложения, уникальные технологии. Особое внимание должно быть уделено решению вопросов, связанных с защитой экологии. Навигация в арктических морях открыта месяц-два, в остальное время необходимо использовать ледоколы. Только одна платформа, предназначенная для добычи на шельфе, может стоить $2 млрд. Без льгот при существующем фискальном режиме реализация морских проектов, тем более в Арктике, нерентабельна. Существующая практика налогообложения не позволяет эффективно осваивать эти проекты.

Кроме того, проекты на шельфе арктических морей нельзя разрабатывать в одиночку. Это под силу только мощным консорциумам, состоящим из нескольких компаний. Юрий Трутнев в свою бытность министром природных ресурсов говорил о том, что, если освоение шельфовых месторождений будет идти такими же темпами, силами двух госкомпаний, это займет, по меньшей мере, 150 лет. Но частные и зарубежные компании пойдут в эти проекты, только если они будут эффективными и рентабельными.

Мария Кутузова,
редактор журнала «Нефть России»

